

Шопенгауэр Артур

**Полное собрание
сочинений**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Полное собрание сочинений: Том 2 / Шопенгауэр Артур – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 681 с.

ISBN 978-5-521-31490-4

ISBN 978-5-521-31490-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНИЕ II ТОМА.

Миръ какъ воля и представленіе. Томъ II.

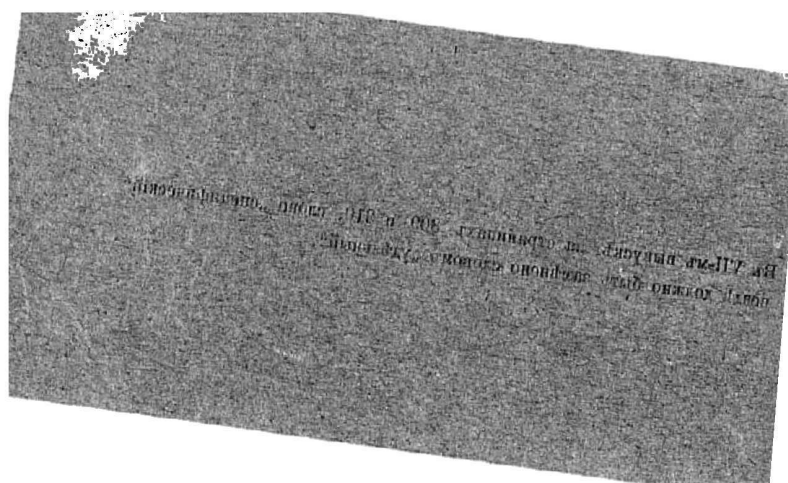
Дополненія къ первой книгѣ.

Первая половина: Ученіе о наглядномъ представленіи.

Поправка. Въ VII-мъ выпускѣ, на страницахъ 309 и 310, слово „специфическій“ вездѣ должно быть замѣнено словомъ „удѣльный“.

“	XIV. Объ ассоціаціи мыслей	128
“	XV. О существованіи недостатковъ интеллекта	132
“	XVI. О практическомъ приращеніи разума и о стоицизмѣ	144
“	XVII. О метафизической потребности человека	155

Листов печатныхъ.	Выпускъ	В перепл. едина. соедин. №№ вып.	Таблицы	Карты	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списковъ и поправокъ	
44		1901 T2				4	4	189
								199
								247
								272
								275
								297
								310



СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА.

Міръ какъ воля и представленіе. Томъ II.

Дополненія къ первой книгѣ.

Первая половина: Ученіе о наглядномъ представленіи.

		<i>Стр.</i>
Глава	I. По поводу основнаго идеалистическаго взгляда	1
"	II. По поводу ученія о наглядномъ, или разсудочномъ познаніи . . .	18
"	III. О вѣншихъ чувствахъ	25
"	IV. О познаніи а priori	31

Вторая половина: Ученіе объ отвлеченномъ представленіи, или мышленіи.

Глава	V. Объ интеллектѣ безъ разума	53
"	VI. По поводу ученія объ отвлеченномъ познаніи, или познаніи разумомъ .	57
"	VII. Объ отношеніи нагляднаго познанія къ отвлеченному	65
"	VIII. По поводу теоріи сѣтчатого	86
"	IX. По поводу логики вообще	98
"	X. По поводу силлогистики	103
"	XI. По поводу реторики	114
"	XII. По поводу поэмоуовія	116
"	XIII. По поводу методологии математики	125
"	XIV. Объ ассоціаціи мыслей	128
"	XV. О существенныхъ недостаткахъ интеллекта	132
"	XVI. О практическомъ примѣненіи разума в о стоицизмѣ	144
"	XVII. О метафизической потребности человека	155

Дополненія ко второй книгѣ.

Глава XVIII.	О познаваемости вещи въ себѣ	189
" XIX.	О признаніи воли въ самосознаніи	199
" XX.	Объективнаго воли въ животномъ организмѣ	247
" XXI.	Ретроспективный взглядъ и общія соображенія	272
" XXII.	Объективнаго разсмотрѣніе интеллекта	275
" XXIII.	Объективнаго воли въ бессознательной иррировѣ	297
" XXIV.	О матеріи	310

Глава	XXV. Трансцендентныя соображенія о волѣ, какъ волѣ къ себѣ . . .	325
"	XXVI. По поводу телеологій . . .	335
"	XXVII. Объ истинности и творческомъ влеченіи . . .	351
"	XXVIII. Характеристика воли къ жизни . . .	358

Дополненія къ третьей книгѣ.

Глава	XXX. О познаніи идей . . .	373
"	XXXI. О чистомъ субъектѣ познанія . . .	376
"	XXXII. О топіи . . .	386
"	XXXIII. О безуміи . . .	410
"	XXXIV. Отрицательныя замѣчанія о красотѣ въ природѣ . . .	414
"	XXXV. О внутренней сущности искусства . . .	418
"	XXXVI. Къ эстетикѣ архитектуры . . .	421
"	XXXVII. Отдѣльныя замѣчанія по эстетикѣ изобразительныхъ искусствъ . . .	430
"	XXXVIII. Къ эстетикѣ поэзіи . . .	436
"	XXXIX. Объ исторіи . . .	452
"	XL. Къ метафизикѣ музыки . . .	460

Дополненія къ четвертой книгѣ.

Глава	XI. Прелюдію . . .	475
"	XLII. Смерть и ея отношеніе къ неразрушимости нашего внутреннего существованія . . .	476
"	XLIII. Жваніе рода . . .	526
"	XLIV. Наслѣдственность свойствъ . . .	532
"	XLV. Метафизика половой любви . . .	543
"	XLVI. Объ утвержденіи воли къ жизни . . .	560
"	XLVII. О ничтожествѣ и горестяхъ жизни . . .	594
"	XLVIII. Къ этикѣ . . .	611
"	XLIX. Къ ученію объ отрицаніи воли къ жизни . . .	627
"	XLX. Путь спасенія . . .	630
"	L. Заключеніе . . .	666

КЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ.

Первая половина.

Ученіе о наглядномъ представленіи.

(Къ § 1—7 первого тома).

ГЛАВА I.

По поводу основнаго идеалистическаго взгляда.

Въ безиредѣльномъ пространствѣ безчисленные свѣтящіеся шары; вокругъ каждаго изъ нихъ вращаются около дожины меньшихъ, освѣщенныхъ; горячіе изнутри, они покрыты оцѣпенѣлой, холодной корой, на которой налетъ плѣсени породилъ живыхъ и познающихъ существа,—потъ эмпирическая истина, реальное, міръ. Но не подобаешь для мыслящаго существа стоять на одномъ изъ этихъ безчисленныхъ шаровъ, свободно витающихъ въ безиредѣльномъ пространствѣ,—не зная, откуда несешься, не зная, куда; не подобаешь ему быть только однимъ изъ безчисленныхъ похожихъ другъ на друга существъ, которыя сталкиваются между собою, кружатся, томятся, безирерывно и быстро возникая и погибая въ безначальномъ и безконечномъ времени: и дѣтъ при этомъ ничего устойчиваго, кромѣ матеріи и возвращенія все тѣхъ же разнообразныхъ органическихъ формъ, по известнымъ путямъ и каналамъ, существующимъ однажды навсегда. Все, чему можетъ научить эмпирическая наука, это лишь болѣе точныя свойства и законы такихъ процессовъ.

И вотъ, наконецъ, философія новаго времени, въ особенности благодаря *Беркли* и *Канту*, сознала, что все это на самомъ дѣлѣ только мозговой феноменъ и подчинено множеству такихъ значительныхъ и разнообразныхъ субъективныхъ условий, что его кажутсяся

абсолютная реальность исчезает и оставляет место для совершенно другого миропорядка, который лежит въ основаніи этого феномена, т. е. относится къ послѣднему, какъ самая вещь къ себѣ къ простому явленію.

„Миръ—мое предоставленіе“ — вотъ сужденіе, которое, подобно аксіомѣмъ Евклида, всякій долженъ признать истиннымъ, лишь только онъ его пойметъ, — хотя это и не такое сужденіе, которое стоитъ только услышать, чтобы всякій его понялъ. На ряду съ проблемой нравственной свободы, отличительнымъ признакомъ новой философіи является то, что она заставила насъ вполне сознать это сужденіе и связала съ нимъ проблему объ отношеніи идеальнаго къ реальному, т. е. міра въ головѣ къ міру внѣ головы.

Ибо лишь послѣ тысячелѣтнихъ попытокъ чисто-объяснительнаго философствованія было открыто, что среди множества вещей, которыя дѣлаютъ міръ столь загадочнымъ и таинственнымъ, прежде всего таинственно то, что при всей его неизмѣримости и массивности, его существованіе все же ясится на единственномъ волоскѣ и этомъ волоскѣ — каждое данное сознаніе, въ которомъ онъ, міръ, существуетъ. Это условіе, которому безспоротно подчиняется бытіе міра, кладетъ на него, посмотри на всю его эмпирическую реальность, печать идеальности и, слѣдовательно, чистой видимости (*visibilis*); и оттого міръ, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны, надо признавать родственнымъ свидѣнію и даже принадлежащимъ къ одному съ нимъ классу вещей. Ибо та функція мозга, которая во время сна какимъ-то чарамъ порождаетъ совершенно объективный, наглядный, даже осязательный міръ, должна принимать такое же точно участіе и въ созданіи объективнаго міра яви. Оба міра, хотя и различны по своей матеріи, очевидно вышты изъ одной и той же формы. Эта форма — интеллектъ, функція мозга. Вѣроятно, Декартъ впервые достигъ той степени сознательности, какой требуетъ указавшая основная истина, и въ слѣдствіе этого онъ сдѣлалъ послѣднюю исходную пунктомъ своей философіи, — хотя сначала только въ видѣ скептическаго раздумья. По истинѣ: благодаря тому, что онъ призналъ *Cogito ergo sum* единственно достоверной вещью, а существованіе міра до поры до времени оставилъ подъ сомнѣніемъ, — благодаря этому, была найдена основная и единственно-правильная исходная точка, а вмѣстѣ съ нею и истинный ослѣтокъ всякой философіи. Ибо послѣднимъ направленно является субъективное, — собственное сознаніе. Видѣ только оно одно есть и будетъ непосредственно данное, — все же другое, чѣмъ бы оно ни было, лишь опосредствовано и обусловлено имъ и, слѣдовательно, отъ него зависятъ. Оттого справедливо полагаютъ, что новая фи-

философія ведець своє происхожденіе отъ *Декарта*, какъ своего отца. Вскорѣ послѣ него *Беркли*, продолжая идти по указанной дорогѣ, пришелъ къ *идеализму* въ собственномъ смыслѣ, т. е. къ признанію, что расположенный въ пространствѣ, т. е. объективный, матеріальный міръ вообще, какъ такой, существуетъ безусловно только въ нашемъ *представленіи* и что неправильно, даже нелѣпо приписывать ему, какъ *такому*, бытіе внѣ всякаго представленія и независима отъ познающаго субъекта, — т. е. принимать реально существующую матерію, какъ такую. Это очень правильное и глубокое воззрѣніе составляетъ однако всю философію *Беркли*: онъ исчерпалъ себя въ немъ.

Такимъ образомъ, истинная философія во всякомъ случаѣ должна быть *идеалистическою*, — хотя бы уже для того, чтобы быть честной. Ибо нѣтъ ничего болѣе достовернаго, чѣмъ то, что никто не въ состояніи когда-либо выйти изъ себя, для того чтобы непосредственно отождествиться съ какими-нибудь отъ него вещами: все, о чемъ каждый изъ насъ имѣетъ достоверное, т. е. непосредственное знаніе, лежитъ внутри нашего сознанія. За предѣлами его не можетъ быть поэтому *непосредственной* достоверности: между тѣмъ такою достоверностью должны обладать первыя основоположенія всякой науки. Эмпирической точкѣ зрѣнія остальныхъ наукъ вполне соответствуетъ допущеніе безусловнаго существованія объективнаго міра, — не такъ обстоитъ дѣло съ философіей, которая должна открывать первыя и основныя начала. Только *сознаніе* дано непосредственно, и потому основа философіи ограничена фактами сознанія, — т. е. философія по существу *идеалистична*. — Реализмъ, который импонируетъ простому разуму тѣмъ, что придаетъ себѣ видъ фактичности, на самомъ дѣлѣ исходитъ именно изъ произвольнаго допущенія и такимъ образомъ паритъ въ воздухѣ, такъ какъ онъ перепрыгиваетъ черезъ самый первый фактъ или отрицаетъ его, — тотъ фактъ, что все, что мы знаемъ, лежитъ внутри сознанія. Ибо то, что *объективное бытіе* вещей обусловлено чѣмъ-то, ихъ представляющимъ, и что, слѣдовательно, объективный міръ существуетъ только какъ *представленіе*, — это не гипотеза и тѣмъ менѣе требованіе, и это не парадоксъ, выдвинутый ради спора: нѣтъ, это самая достоверная и прочная истина, признаніе которой встрѣчаетъ себѣ препятствія только потому, что она даже слишкомъ проста и не у всякаго есть настолько рефлексія, чтобы вернуться къ первымъ элементамъ своего сознанія вещей. Ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть абсолютнаго и въ самомъ себѣ объективнаго бытія, — мало того: оно даже и немислимо, ибо всегда и непромѣнно объективное, какъ такое находится въ сознаніи субъекта, т. е. служитъ его представленіемъ,

следовательно — обусловлено субъектом и, сверхъ того, еще и формами представлений, которые принадежат субъекту, а не объекту.

То, что *объективный мир существовал бы*, даже если бы совсѣмъ не было познающихъ существъ, — это, конечно, на первый взглядъ кажется несомнѣннымъ, потому что *in abstracto* это мыслимо и мы не видимъ заключающагося здѣсь внутренняго противорѣчія. Но когда мы хотимъ эту абстрактную мысль *реализировать*, т. е. свести ее къ нагляднымъ представленіямъ, отъ которыхъ она (какъ и все абстрактное) только и можетъ заимствовать свою силу и истинность, и когда мы пытаемся *вообразить себѣ объективный миръ безъ познающего субъекта*, то оказывается: то, что мы себѣ воображаемъ на самомъ дѣлѣ противоположно тому, чего мы добивались; именно, оно является не тѣмъ чѣмъ, какъ процессомъ въ интеллектѣ познающаго лица, которое созерцаетъ объективный миръ, — т. е. передъ нами какъ разъ то, что мы хотѣли исключить. Ибо этотъ наглядный и реальный миръ, очевидно — мозговой феноменъ; поэтому есть противорѣчіе въ допущеніи, что онъ, миръ, можетъ существовать и независимо отъ всякихъ мозговъ, — какъ такой.

Главное возраженіе противъ необходимой и естественной *идеальности всякаго объекта*, возраженіе, которое отчетливо или смутно возникаетъ у каждаго, несомнѣнно таково: и моя собственная личность — объектъ для другого, т. е. его представленіе; между тѣмъ я навѣрное знаю, что я существовалъ бы даже и въ томъ случаѣ, если бы этотъ другой меня не представлялъ; но въ томъ самомъ отношеніи, въ какомъ я нахожусь къ его интеллекту, пахотятся къ нему и все другіе объекты, — следовательно, и они существовали бы, если бы этотъ другой и не представлялъ ихъ собой. На это долженъ быть данъ слѣдующій отвѣтъ: тотъ другой, чѣмъ объектомъ я рассматриваю теперь свою личность, есть не просто *субъектъ* вообще, а прежде всего познающій индивидуумъ. Поэтому, если бы даже онъ и не существовалъ, если бы даже вообще не было другого познающаго существа, кромѣ меня самого, то это бы еще вовсе не уничтожало *субъекта*, въ представленіи котораго только и существуютъ все объекты. Ибо этотъ *субъектъ* — вѣдь это также и я самъ, какъ этотъ субъектъ — всякое познающее существо. Следовательно, если допустить указанный оппонентомъ случай, то моя личность продолжала бы еще существовать но опять-таки въ качествѣ представленія, — именно, въ моемъ собственномъ познаніи. Ибо она, даже и мною самимъ, познается всегда лишь косвенно, а вовсе не непосредственно: все, что представляемо, ко-венно. Именно какъ *объектъ*, т. е. какъ протяженное, наполняющее пространство и дѣйствующее, узнаю я свое тѣло только въ возвращеніи

своего мозга: последнее же опосредствовано внешними чувствами, данными которых пользуется интуитивный разум для исполнения своей функции—перехода от действия къ принципъ; и вотъ, благодаря тому, что глазъ видитъ тѣло или руки его ощупываютъ, разумокъ конструируетъ пространственную фигуру, которая представляется въ пространствѣ какъ мое тѣло. Но вовсе не дано мнѣ непосредственно—ни въ общемъ чувствѣ тѣла, ни во внутреннемъ самосознаніи—но дано протяженіе, или формы, или дѣйственности: въ противномъ случаѣ онѣ должны были бы совпадать съ самымъ моимъ существомъ, и оно для своего существованія не имѣло бы тогда нужды въ другомъ существѣ, которое представляло бы его въ своемъ сознаніи. На самомъ дѣлѣ общее чувство, какъ и самосознаніе, непосредственно существуетъ только по отношенію къ *воли*, т. е. какъ пріятное или тягостное и какъ активное въ волевыхъ актахъ, которые внешнему воззрѣнію представляются въ качествѣ дѣятельности тѣла. Отсюда слѣдуетъ, что существованіе моей личности или моего тѣла, какъ *что-то протяженнаго и дѣйствующаго*, непременно предполагаетъ нѣчто *познающее*, отъ послѣдняго отличное, такъ какъ это существованіе по своей природѣ есть существованіе въ воспріятіи, въ представленіи, т. е. существованіе *для другого*. Въ дѣйствительности оно служитъ мозговымъ феноменомъ,—все равно, принадлежитъ ли мозгу, въ которомъ оно представляется, собственной или чужой личности. Въ первомъ случаѣ собственная личность распадается на познающее и познаваемое, на субъектъ и объектъ, которые зѣло, какъ и вездѣ, нераздѣльны и несоединимы. Если такимъ образомъ моя собственная личность, для того чтобы существовать, какъ такая, постоянно нуждается въ познающемъ, то это будетъ относиться, по крайней мѣрѣ, въ такой же степени и къ прочимъ объектамъ;—т. е. къ тѣмъ объектамъ, которымъ приписать существованіе, независимое отъ познанія и его субъекта, было цѣлью приведеннаго возраженія.

При этомъ само собою разумѣется, что существованіе, которое обусловлено познающимъ, является исключительно существованіемъ *въ пространствѣ*, т. е. существованіемъ чего-то протяженнаго и дѣйствительнаго: только оно всегда познаваемо и, слѣдовательно, есть существованіе *для другого*. Но все, что существуетъ такимъ образомъ, можетъ имѣть еще и *существованіе для себя самого*, и для послѣдняго оно въ субъектѣ не нуждается. Однако это существованіе для себя самого не можетъ быть протяженіемъ или дѣйственностью (вмѣстѣ—наполненіемъ пространства): нѣтъ, оно непременно бытіе другого рода,—именно, бытіе *вещи самой въ себя*, которая, ужъ прямо какъ такая, никогда не можетъ быть объектомъ.

Таковы должны быть отвѣты на изложенное выше главное возраженіе, и оно, слѣдательно, но опровергаетъ той основной истинны, что объективный міръ можетъ существовать только въ представленіи, т. е. только для субъекта.

Замѣтимъ еще здѣсь, что и Кантъ (по крайней мѣрѣ, пока онъ оставался послѣдовательнымъ) не могъ подъ своими *вещами въ себѣ* понимать объекты. Это видно уже изъ того, что онъ доказалъ, что пространство, какъ и время, есть только форма нашего воззрѣнія, которая, слѣдательно, не принадлежитъ вещамъ въ себѣ. То, что не находится въ пространствѣ и времени, не можетъ быть и объектомъ; слѣдательно, бытіе *вещей въ себѣ* уже не можетъ быть объективнымъ, а можетъ оно быть только совсѣмъ другого рода — метафизическимъ. Значить, въ указанномъ кантовскомъ тезисѣ заключается уже и то, что объективный міръ существуетъ только какъ *представленіе*.

Ничто не служить предметомъ такого упорнаго, не впемяющего никакимъ объясненіямъ и вѣчно повторяющагося недоразумѣнія, какъ *идеализмъ*, ибо его излагаютъ въ такомъ видѣ, будто онъ отрицаетъ *эмпирическую* реальность вѣшняго міра. На этомъ основана постоянная апелліація къ здравому смыслу, которая выступаетъ въ различныхъ видахъ и оболочкахъ, — напримеръ, какъ *основное убѣжденіе* шотландской школы или какъ *якобиевская вѣра* въ реальность вѣшняго міра. Ни въ какомъ случаѣ вѣстный міръ не дается намъ; какъ это представляется себѣ *Якоби*, просто въ кредитъ и не принимается нами на честное слово: онъ выдаетъ себя за то, что онъ есть, и прямо исполняетъ то, что обѣщаетъ. Припомните, что *Якоби*, учредившій такую кредитную систему міра и ослѣпленно навязавшій ее инымъ изъ профессоровъ философіи, которые въ теченіе тридцати лѣтъ съ комфортомъ и успѣхомъ философствовали во слѣдъ ему, — что это тотъ самый Якоби, который однажды написалъ доносъ о синонизмѣ *Лессина*, а потомъ — объ атеизмѣ *Шеллингъ*, за что и понесъ отъ рукъ послѣдняго позвѣстную, хорошо заслуженную кару. Въ такомъ своемъ усердіи, низводя вѣстный міръ къ дѣлу вѣры, онъ на самомъ дѣлѣ питалъ заднюю мысль — пріоткрыть дверцу для вѣры вообще и пріуготовить кредитъ для того, что въ послѣдствіи, дѣйствительно, принимается людьми только въ кредитъ; это все равно, какъ если бы для введенія бумажныхъ денегъ ссылались на то, что цѣнность звонкой монеты состоитъ исключительно въ печати, которую кладетъ на нее государство. Якоби, въ своей философемѣ о принятой на вѣру реальности вѣшняго міра, точь въ точь представляетъ собою осужденнаго *Кантомъ* (Критика чистаго разума, перв. изданіе, стр. 369) „трансцендентальнаго реалиста, который разыгрываетъ эмпирическаго идеалиста“.